

В конце прошлого года наша газета опубликовала очерк Майи Кристаллинской, в котором она рассказала о мемуарах замечательной актрисы и певицы Марлен Дитрих «Возьмите жизнь мою» и о своей работе над переводом этой книги. Редакция получила большое количество писем с просьбой напечатать отрывки из воспоминаний М. Дитрих. Сегодня мы знакомим наших читателей с фрагментами этой книги.

Эта книга никому конкретно не посвящается. Она посвящается зрителям, которые дарили мне радость встреч с ними, тем, кто облегчал мне жизнь, давая возможность работать, зарабатывать на жизнь и пользоваться милотетными ее радостями.

Самолеты в небе чертили мое имя. Да, это была слава! Кого же я должна была благодарить за нее? В первую очередь это было нужно киноиндустрии и прессе.

Мы стояли с моей дочерью Марией, смотрели в ночное небо и читали буквы, которые струились из самолетов. «Марлен Дитрих»!

Все небо было в звездах. Ребенок сказал: «Посмотри, мама, звезды смотрят через твое имя...»

Марию я привезла из Германии вопреки желанию студии «Парамаунт». Я должна была оставаться «фатальной женщиной», и материнство не вписывалось в мой образ, который хотела продавать студия. И все же я настояла на своем.

Она была очень хорошенькая, все ее любили. Приятная

была жизнь! Мы уходили к Тихому океану, чтобы поплавать, полюбоваться заходом солнца, ели свежие крабов прямо на пляже, бегали наперегонки и вконец усталые, но счастливые приезжали домой. Мария была счастлива, она не замечала отсутствия родного языка, как это было со мной, — она была слишком мала. Ни съемки в кино, ни слава, ничто не было для меня так важно, как жизнь моего ребенка и атмосфера, в которой она находилась. Я была с ней утром и вечером, готовила завтрак, обед, ужин, укладывала ее в постель и читала сказки.

Мы снимали фильм «Белокурая Венера», когда по почте пришло письмо. Оно не было написано от руки, не было напечатано на машинке. Буквы были вырезаны из газет и приклеены. Смысл был зловещим. Над моим ребенком нависла опасность! Малышку хотели похитить!

Отныне, вставая в пять утра, я должна была тащить ребенка с собой на студию. Пока ехали, играли во всевозможные игры. Я всегда брала с собой множество лимонов и леденцов. Мы обе страдали

Марлен ДИТРИХ:

«автоболезнью» — нас укачивало в машине. Но когда я входила в ателье в костюме, в гриме, готовая к съемке, я была спокойной, собранной, на моем лице не было и следа усталости. Мария на съемках стояла на маленькой лестнице и следила за мной.

Она все знала об угрозе похищения — у меня никогда не было от нее тайн. Она успокаивала меня своим собственным спокойствием. Эта черта характера была у нее от отца. Она намного храбрее меня. Вечерами, когда мы возвращались домой, она вместе с няней засыпала на полу своей комнаты, в то время как я бегала по дому, варила кофе для всех и разговаривала с «гориллами», которые дежурили в саду, в кустах.

Чудом удалось нам выйти из этих трудностей и все пережить! Это было страшное время! Решетки, которые появились тогда в окна нашего дома в Беверли Хиллс, можно видеть и сегодня. Эти решетки разрушили наши мечты о свободе, радости, беззаботной жизни.

Многих моих партнеров по голливудским фильмам матушка-природа не одарила большим умом.

Джон Уэйн, который был в то время неизвестным актером и потому бедным, попросил меня, по возможности, помочь ему. Он зарабатывал немного и должен был содержать жену и двоих сыновей.

Я позвонила своему агенту Чарли Фельдману. Он объяснил, что «новичками не интересуются». Я пыталась, как могла, убедить его в «таланте» Уэйна. Наконец он уступил, и Джон Уэйн с его помощью подписал контракт со студией «Юниверсал» и стал моим

ПРО ТО, ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ

партнером в фильмах. Он не имел ни малейшего представления об актерском ремесле, он только мог наизусть выговаривать свой текст. Он признался мне, что никогда не читал книг. Спустя некоторое время он стал зарабатывать большие деньги, что снова говорит о том, что не нужно иметь большого ума, чтобы стать «звездой» кино. Позднее, когда мы снова встретились в фильме «Мошенники», он приобрел несколько больше уверенности, но не таланта.

Я не хочу сказать, что в Голливуде отсутствовали интеллигентные американские актеры. Но по-настоящему большие актеры, к сожалению, очень редко бывали моими партнерами.

Поистине большой актер — удивительный Спенсер Треси! Мы снимались в фильме «Процесс в Нюрнберге» режиссера Стэнли Крамера. Моя роль была, к сожалению, невелика, но работать с таким партнером было восхитительно. Одним взглядом он мог похвалить или уничтожить. Я любила его за этот особый талант. У него было бешеное чувство юмора. Он был эгоистом, это верно, но быть эгоистом не значит жить легкой жизнью. Он был одиноким человеком, хотя меньше всего казался таковым. Возможно, внутреннее одиночество было важнейшим фактором его успеха.

Самые теплые воспоминания остались у меня и от совместной работы с Билли Уайлдером и Чарльзом Лаутоном на съемках фильма «Свидетель обвинения», режиссер Билли Уайлдер. Я с радостью приняла заманчивое предложение сниматься в этом фильме. У меня была очень интересная актерская задача — сыграть двух женщин. Сюжет, вероят-

но, помнят многие: мой муж — в фильме его играет Тайрон Пауэр — обвиняется в убийстве. Я не могу помочь ему, потому что я его жена и к тому же иностранка.

Адвокат — его блестяще играет Чарльз Лаутон — пытается защищать моего мужа. И вот в конце фильма появляется неизвестная женщина. Она просто отвратительна, но именно она-то и становится свидетелем обвинения. Я не жалела сил в работе. Вся идея была в том, чтобы меня не узнали в этой двойной роли. Я делала все: меняла свой нос, обкладывала тело и ноги ватой, утолщала пальцы и наклеивала на них длинные темные ногти. Возникло еще одно препятствие: эта «другая женщина» должна была говорить на своем диалекте. Справиться с этим помог мне Чарльз Лаутон. Это был замечательный актер, настоящий, без всяких притязаний, без всех причуд, которыми обладают многие, даже хорошие актеры и режиссеры. Он был великодушным, щедрым и удивительно интеллигентным. Как ястреб, следил он за мной и моим акцентом во время съемок. Он брал на себя всю ответственность за этот особый аспект фильма.

Билли Уайлдер сказал мне: «За это ты никогда не получишь «Оскара». Люди не любят, когда их считают глупцами».

Мне это было безразлично. «Оскар» — официальное название премии Академии киноискусства — ничего для меня не значит. Это самое большое надутельство, выдуманное когда-либо. Хотите знать, как происходит награждение «Оскаром»? Это определяет не общее открытое мнение, это решают только члены так называемой академии. Чарльз

Лаутон смеялся своим удивительным смехом, когда говорил о странной системе выбора фильмов академией. Он говорил: «Дайте мне роль слепого. Нужно только закрыть глаза, осторожно передвигаться по лестнице и ощупывать ступеньки. Держу пари, в таком фильме всегда будут лестницы, чтобы актеру было легче играть, и ты увидишь: наградам не будет конца».

Билли Уайлдер был прав. Я ни разу не была представлена к «Оскару». Это о чем-то говорит! Вот перечень «убийственных ролей», которым гарантируется «Оскар»: священник, известный библейский образ, жертвы таких недугов, как пьянство, слепота, немота, сумасшествие — отдельно или вместе взятых. Чем трагичнее роль, тем вернее «Оскар». Создание образов этих горестных созданий рассматривается как особенно трудное.

Когда нацисты пришли к власти, в Голливуде был создан «Голливудский комитет». Главными организаторами его были Эрнст Любич и Билли Уайлдер. В Швейцарии у нас был связной по фамилии Энгель, которому посылались деньги, чтобы помогать сотням людей в концентрационных лагерях в Германии и финансировать их переезд в Америку. Я никогда не была знакома с господином Энгелем, но уверена, что он был, несомненно, замечательным человеком. Он вызвался сослужить человечеству эту службу и, должно быть, со всех сторон подвергался многим опасностям. В начальный период организации концентрационных лагерей была еще какая-то возможность спасать людей, но это с каждым днем становилось все труднее и труднее.

Мы считали своим долгом обучать бывших узников английского языку и находить им работу. Большинство из них были люди гордые, они сами хотели зарабатывать себе на хлеб. Мы все старались быть к ним очень внимательными, правда, иногда это были напрасные хлопоты.

С помощью нашего денежного фонда мы могли многие годы поддерживать беженцев. Некоторые из них были морально и физически надломлены, к тому же они никак не могли привыкнуть к чужой стране, чужому языку. В последующие годы приток беженцев стал заметно уменьшаться. Нацисты так усилили охрану лагерей, что побег становился практически невозможным. Бежать удавалось только немногим, очень сильным людям. Спасаясь, они днем прятались, передвигаясь по ночам. Швейцарские власти помещали беглецов в «лагеря», но их ни в коем случае нельзя было сравнить с теми страшными лагерями смерти, из которых они бежали. Отсюда уже Энгель освобождал одного за другим и отсылал в Америку. Успех давал нам громадное чувство удовлетворения.

Жана Габена я встретила, когда он прибыл в Голливуд из оккупированной Франции. Как обычно, на помощь позвали меня. Помощь означала: говорить на его языке, переводить, заботиться о французском кофе, французском хлебе и т. д. Таким же образом я помогала Рене Клеру, Жану Ренуару и многим другим.

Габен должен был сниматься в Голливуде и говорить на английском языке, которого не знал. Мне нужно было втолковать ему язык, а он, как

мальчишка, прятался за кустами в саду своего дома. Все же он снялся в этом фильме, название его я забыла. По-моему, фильм получился глупый, но Габен говорил свои реплики корректно, я позаботилась об этом.

Габен не любил этот авантюрный Голливуд, но у него не было иного пути, чтобы заработать деньги.

Габен, стопроцентный француз, всячески защищал в Голливуде свой дом, делая из него свою крепость. Мы разговаривали здесь только по-французски, встречались только с французами — актерами, режиссерами. Мы все были без родины, мы все оказались вырванными с корнем, в чужой стране, вынужденными говорить на чужом языке, привыкать к чужим обычаям и нравам. Мы чувствовали себя потерянными, хотя все были известными людьми в мире кино. Гости часами ели французские блюда, мной приготовленные, даже не ели, а скорее смаковали, и с нашими французскими друзьями чувствовала себя как дома. Вероятно, сказывалось и то, что уже в детстве я потеряла свою родину.

Итак, Жан Габен был совершенный человек, сегодня мы бы назвали «супермен». В нем ничего не было фальшивого. Все было ясно и просто. Он был весь преисполнен любви. Человечный по натуре, он был благодарен за все, что могла дать ему я, моя семья, друзья и знакомые. Он был благодарен за любовь к нему моего ребенка и всех тех, кто снова и снова говорил о своем теплом отношении.

Габену пытались подражать, но безуспешно. Он был собственником, упрямым и ревнивым. Я любила его, как боль-

шого ребенка. Он мог быть самым добрым, самым предупредительным и одновременно самым жестоким. Но он всегда был прав!

Мы часто спорили, но и плакали вместе, когда слушали речь де Голя с призывом к борьбе в ту историческую ночь. Мы оба знали, что нам делать. Он хотел бороться. Я понимала его. Как всегда. Я была ему матерью, сестрой, другом... Он покинул Голливуд.

Мы поехали в темный порт вблизи Нью-Йорка, мы поклялись в вечной дружбе, как это делают дети в школе, и я стояла на темной набережной, чувствуя себя одиноким, покинутым ребенком...

По дороге в Марокко его корабль был потоплен нацистской подводной лодкой. Габен чудом спасся, нашелся в Касабланке...

Многим известно, что Габен воевал, но не все знают, что означало для него явиться к танкистам Леклера. Это было равносильно прыжку в змеиную пещеру. Жан Габен панически боялся электричества. Никогда нельзя было его попросить починить лампу или утюг, он избегал любого контакта с огнем. Тем не менее он выбрал танки. Большинство погибло в горящих машинах, но он явился именно к танкистам и остался в живых. Ему помогла его счастливая звезда.

Шел 1944 год. Я была на фронте, во Франции. Как-то из-за срочной передислокации войск отменили наше представление. Ходили слухи, что фронт укрепляется «свободными французами» и, в частности, двумя танковыми дивизиями. Я выпросила «джип» и отправилась на поиски Габена. Мое предчувствие говорило, что он должен был быть где-

то здесь. Очень быстро стало темно, видимость была плохая, и вдруг я увидела танки. Их было множество. На одном из танков я заметила, нет, скорее почувствовала его. Он стоял спиной ко мне. Я позвала его, он мгновенно оглянулся, спрыгнул вниз, обнял меня. И сказал только «Merde». Это было все. Едва я встретела дух, как прозвучал сигнал трубы, и через несколько минут ничего уже не осталось, кроме пыли, огромной тучи пыли и затишающего рокота моторов. Да, Жан Габен действительно настоящему воевал! Пожалуй, кроме него и Жана Пьера Омона, я больше не встретила на войне ни одного известного актера...

Я потеряла его позднее. Когда он вернулся, я оставила его, нет, он покинул меня. Я была нянькой, которая получила прощальный поцелуй, но с большой любовью. Моя любовь к нему осталась навсегда.

Гигантом нашей профессии был Чарли Чаплин. Мы были большими друзьями. В последний раз мы встретились в Париже на благотворительном представлении в «Комеди Франсез». Тогда он был не только актер, но и продюсер своего фильма.

Сентиментальность связывала нас. Музыка, которую он сочинял, была сентиментальна. Возможно, даже чересчур, но для меня она была как манна небесная. Он был величайшей звездой, волшебной и человеческой одновременно, превосходящей многих, включая, конечно, меня. Я не знаю, что могла бы еще добавить об этом гениальном художнике. Единственно, о чем я должна сказать, что его так называемый «сентимент» был его великой силой в мире, полном грязной политики. Да будет он благословен!

Перевела с немецкого Майи КРИСТАЛИНСКАЯ.